

Научно-исследовательская

УДК 177.7

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.44.4.7

ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Шульга Елена Николаевна

Институт философии РАН,

Гончарная ул., 12, стр. 1, Москва, Россия, 109240,

elena.shulga501@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4570-9377>

Аннотация. Понять философский контекст литературных произведений может помочь методология философской интерпретации, развиваемая в рамках современной философской герменевтики, принципы которой способствуют пониманию текста и наилучшей его интерпретации. Понять текст — это значит извлечь истинный смысл из содержания всего произведения. Истинный смысл литературного произведения может быть найден только в мысли, правильно высказанной, в идее, исторически верной. Поэтому интерпретатор должен хорошо знать биографию автора произведения, знать обычаи, нравы его эпохи, национальные предрассудки, историческую обстановку, в которой творил и работал автор. Высокохудожественная литература, как правило, обладает собственным оригинальным стилем и содержанием, но, что особенно важно, она несет в себе философский смысл. Это позволяет говорить о философском контексте литературных произведений, выясняя смысл каждого слова, фрагмента текста, наконец, выясняя общий замысел произведения, включая ту аудиторию, для которой этот текст был предназначен. Что роднит и что отличает художественную литературу и философский текст? Как жанр диалога оказывается предтечей философского текста? Обращаясь к философскому наследию, в частности рассматривая практику ведения устной беседы с ее риторикой, как она представлена в сократических диалогах, мы получаем представление о способах и методах получения философского знания. Вместе с тем, как показано в статье, традиция, восходящая к практике устного слова в деле обучения, запечатлена письменными диалогами Платона. Обращение к этим текстам дополнено рассмотрением вопросов, связанных с возможностью применения философской герменевтики в анализе текстов. В статье приводится образец

герменевтического анализа известного стихотворения Пушкина. Сделаны выводы, касающиеся методологии понимания и интерпретации текстов.

Ключевые слова: литература, философия, герменевтика, текст, контекст, смысл, понимание, интерпретация

Для цитирования: Шулга Е. Н. Философский контекст литературных произведений: проблема интерпретации // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 4 (44). С. 77–90. DOI: 10.25688/2078-9238.2022.44.4.7

Scientific Research

UDC 177.7

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.44.4.7

PHILOSOPHICAL CONTEXT OF LITERARY WORKS: PROBLEM OF INTERPRETATION

Elena N. Shulga

RAS Institute of Philosophy,

Goncharnaya st., 12, p. 1, Moscow, Russia, 109240,

elena.shulga501@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4570-9377>

Abstract. To grasp the philosophical context of literary works can be helped by the methodology of philosophical interpretation, developed within the framework of modern philosophical hermeneutics, the principles of which contribute to the understanding of the text and its best interpretation. To understand the text means to extract the veritable meaning from the content of the entire work. The veritable meaning of a literary work can only be found in a thought correctly expressed, in an idea that is historically correct. Therefore, the interpreter must know well the biography of the author of the work, know the customs, manners of his era, national prejudices, the historical situation in which the author created and worked. Highly artistic literature, as a rule, has its own original style and content, but, most importantly, it carries a philosophical meaning. This allows us to talk about the philosophical context of literary works, figuring out the meaning of each word, a fragment of the text, finally, ascertaining the general intention of the work, including the audience for which this text was intended. What do fiction and philosophical texts have in common and what distinguishes them? How does the genre of dialogue turn out to be the forerunner of a philosophical text? Turning to the philosophical heritage, in particular, considering the practice of conducting oral conversation with its rhetoric, as it is presented in Socratic dialogues, we get an idea of the ways and methods of obtaining philosophical knowledge. At the same time, as shown in the article, the tradition that goes back to the practice of the spoken word in the matter of teaching is imprinted by Plato's written dialogues. Reference to these texts is supplemented by consideration of issues related to the possibility of applying philosophical hermeneutics in the analysis of texts. The article provides a sample of hermeneutic analysis of the famous poem by Pushkin. Conclusions regarding the methodology of understanding and interpretation of texts are made.

Keywords: literature, philosophy, hermeneutics, text, context, meaning, understanding, interpretation

For citation: Shulga, E. N. (2022). Philosophical context of literary works: the Problem of interpretation. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 4 (44), 77–90. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.44.4.7>

Введение

Произведения художественной литературы, созданные в различные исторические эпохи и принадлежащие к той или иной конкретной культуре, предполагают своего читателя, критика, исследователя. Изучаемые в понятийном контексте современного научного знания, художественные произведения становятся объектами литературоведческого исследования. При этом литературоведы, выделяя признаки отличия текстов художественной литературы от всего массива других текстов, выясняют специфику построения литературных произведений на основе структурно-содержательно-го анализа этих текстов, их эстетической направленности. Такого рода исследования связаны как с анализом и интерпретацией текста, так и с реконструкцией культурно-исторического контекста рассматриваемого литературного произведения. Результатом литературоведческого исследования становится вывод, касающийся исторического контекста произведения и соответствующего типа культуры.

Определение условий разграничения художественных и всех иных текстов представляет собой проблему, связанную в первую очередь с уточнением самого понятия «художественная литература». Так, известный литературовед и культуролог Ю. М. Лотман, рассуждая о специфике художественной литературы, относящейся к определенному типу культуры и функционирующей в составе этой культуры, приходит к выводу, что проблема разграничения (текстов) может рассматриваться в двух аспектах: функционально или с точки зрения организации текста. И хотя между этими двумя аспектами нет прямой зависимости, функционально «художественной литературой будет являться всякий словесный текст, который в пределах данной культуры способен реализовать эстетическую функцию» [Лотман, 2010, с. 123]. Такое определение позволяет выдвинуть предположение, что эстетическая составляющая текста является определяющей в ценностной характеристике произведений художественной литературы. Кроме того, текст такой литературы отличает повышенная семантическая нагруженность, что сближает литературный текст с философским текстом, при их очевидной разнице.

Нацеленность читателя как интерпретатора исключительно на эстетическую направленность литературного текста при всем ее доминировании не может обеспечить полноту передачи жизненных коллизий, их особенностей и закономерностей — структура мира, неявно присутствующая и особым образом отраженная в произведении художественной литературы, а также мировоззрения автора этого текста, остаются как бы в тени. Поэтому от читателя потребуются дополнительные интеллектуальные усилия по их расшифровке.

От того, насколько читатель (интерпретатор) преуспеет в этом начинании, зависит его понимание текста как целостного произведения с явно философским контекстом. Сущность философского взгляда на текст, придание философского смысла содержанию этого текста (или его отдельным фрагментам, например авторским отступлениям) основывается также и на том, что читатель, как правило, исходит из собственного восприятия жизненных смыслов, сопоставляя их с замыслом автора — той художественно перевоплощенной жизненной реальностью, которая живет по законам авторского дискурса. В результате в процессе интерпретации читателю предстоит создать некий новый текст, воспроизводя философский контекст произведения, откуда он как раз и будет черпать выявленные им в результате интерпретации скрытые установки автора текста. Именно такой подход к анализу текста способствует наилучшему и наиболее полному пониманию изучаемого произведения.

Возникает вопрос: что делает текст художественной литературы философским или философски значимым? Использование автором метафизических понятий? Ответ прост: да, но также затрагиваемые автором текста общечеловеческие проблемы. Наконец, оценка философского значения текста — это творческая работа по интерпретации утверждений, которые следует воспринимать как интерпретации других утверждений. Именно их читатель с известной долей предосторожности может «прочитать» так или иначе. В такой направленности интерпретации как раз и состоит суть способности суждения, о которой писал И. Кант. Эта способность суждения присуща человеческому познанию вообще, и она раскрывается в процессе истолкования и сопутствующей коммуникации.

Философский текст и его литературно-исторические истоки

На первый взгляд, философский текст лишен сюжетной линии в своем повествовании, ограничен в использовании иллюстративного материала и специфика построения философского текста — это последовательность применяемых доводов при обсуждении той или иной философской проблемы или при обосновании выдвигаемой философской концепции. Между тем уже диалоги Платона легко опровергают это утверждение.

Жанр диалога используется философом не случайно. По-видимому, по причине того, что Платон продолжает усвоенную им традицию передачи знаний из уст в уста, фиксируя самим построением диалога способ донесения знания, выявления его путем умелого ведения беседы, как это делал его учитель Сократ. Продолжая «линию» Сократа в изложении отдельных мыслей, идей и концептуальных построений, Платон не только признавал и использовал его методы, но шел дальше в поиске сближения традиционных способов объяснения (в том числе, посредством диалога), придавая получаемым выводам новый, философски значимый смысл.

Диалог Платона как литературное сочинение не ограничивался кругом непосредственных слушателей Академии. По сути, его сочинения были рассчитаны на более широкую аудиторию, привлекая к себе внимание аргументацией и разнообразием обсуждаемых тем, побуждавших афинских граждан к занятиям философией в доступной для них форме. Уже одно это обстоятельство позволяет квалифицировать диалоги Платона как законченные произведения, относящиеся тем не менее к философской литературе, к той авторской письменной философии, для которой характерен свой собственный оригинальный способ построения текста. Вместе с тем содержательная и смысловая направленность сократической беседы, запечатленная Платоном в письменном диалоге, вполне соответствовала интеллектуальной традиции своего времени — овладению навыками философского размышления вслух.

Какова же связь между устным диалогом и диалогом как литературным жанром?

Сравнивая оба способа общения: со слушателями и с читателями, закономерным образом приходим к пониманию значения открытого философского знания, раскрывающего свой предмет посредством встроенности философской мысли в содержание конкретных, исторически сложившихся литературных произведений — читаемых нами и анализируемых в контексте современных представлений. Между тем для греков (слушателей и собеседников Сократа или учеников Платоновской академии), сократический диалог важен и интересен тем, что он формирует и оттачивает способ получения такого рода знания, которое превосходит обычный, обыденный смысл понимания сути вещей.

Различие между обыденными суждениями и философскими суждениями состоит в том, что последние оправданы всей предшествующей традицией философствования. Другими словами, представленные в диалогах Платона философские идеи самим жанром литературы демонстрируют преимущество способов выражения этих идей и при этом они остаются «человеческими» в смысле доступности их человеческому пониманию. Кроме того, это означает, что «человеческий» аспект текста делает невозможным размежевание философского и обыденного, придавая обыденным, «просто человеческим» суждениям черты философского знания. Такова специфика диалогов Платона.

Относя диалоги Платона не только к философскому наследию, но и к литературе, сошлюсь на исследование А. В. Михайлова, который сопоставляет науку о литературе и знание о литературе, рассуждая в контексте преемственности знания и делая акцент на человеческом понимании. Он пишет: «Первый текст европейской “литературы”, “Илиада” Гомера, начинается с чрезвычайно краткого, однако зрелого и продуманного изложения известного знания о литературе, т. е. о том, что поэт творит, и это *предшествование* знания о литературе, или поэтики, чрезвычайно знаменательно: вообще говоря, *понимание* чего-то, что мы делаем, в некотором смысле обязано предшествовать тому, что мы делаем, складывается с ним, взаимодействует с ним и *становится* внутри него» [Михайлов, 2006, с. 492].

Таким образом, знание о литературе остается одним из оснований науки о литературе и такое объяснение может быть уместным относительно становления философского знания, которое, сохраняя преемственность в способах выражения этого знания (посредством создания текстов), возвышается над обыденным знанием, формируя собственный понятийный язык философии. С другой стороны, философско-герменевтический анализ литературных произведений, пример которого будет приведен в следующем разделе данной статьи, нацелен на выявление философского смысла анализируемого литературного произведения, демонстрируя тем самым вполне человеческую потребность в понимании того, что на самом деле автор текста намеревался сказать своим слушателям, читателям, потомкам, в чем состояло его миропонимание и его представления об истинности и справедливости.

Литературное произведение, в отличие от живой беседы, дает возможность обращаться к написанному тексту снова и снова. По мере того, как описываемая история, рассматриваемая тема или обсуждаемая в тексте проблема продолжает поддерживать интерес исследователей, работа над таким текстом потребует также и незримого присутствия автора этого текста. С герменевтической точки зрения это означает, что автор, а точнее говоря, реконструируемая интерпретатором авторская позиция, превалирует в понимании смысла изучаемого произведения, и она первична по отношению к позиции интерпретатора. Иной подход к интерпретации текста связан с противоположной точкой зрения, когда точка зрения интерпретатора и его взгляд на изучаемый текст в смысловом отношении может быть шире и полнее того, что хотел сказать автор и что написано в тексте. Конечно, это отнюдь не означает, что интерпретатор каким-то образом достраивает текст или домысливает что-то такое, о чем автор текста и не намеревался говорить. Интерпретатор просто соотносит собственный взгляд на проблему с авторской позицией.

В живом диалоге интерпретатор лишен такой возможности в силу того, что живой диалог превосходит текст своей непосредственностью и демонстрация собственного взгляда приводит к тому, что интерпретатор тотчас становится автором сказанного им в ходе беседы. Однако живой диалог более совершенен в том смысле, что ты видишь реакцию собеседника, наблюдаешь за ним и его жестами, угадываешь интонации речи, можешь уточнить возникающие вопросы, преодолеть недопонимание, разрешить проблему по ходу беседы. Гносеологическое, когнитивное значение живого диалога состоит в том, что эта форма общения порождает в душе человека способность к внутреннему диалогу, к самодиалогу с самим собой, и как раз этому учил Сократ.

Майевтика, которой пользуется Сократ, представляет собой способ ведения беседы и одновременно педагогический прием вопрошания, обращенного от более умудренного к менее искусственному собеседнику. Цель такой беседы — выяснение того знания, которое, может быть, еще скрыто для самих собеседников, еще не явлено слушателям, однако это то самое истинное знание, которое собеседник способен воспроизвести путем размышления и/или припоминания.

При этом важно то, что и Сократ, и Платон знают, как заставить слушателя припомнить то, что душа знала, но забыла. Поэтому, вступая в беседу, Сократ не излагает то, что он знает, но только помогает рождению знания, используя два совершенно оригинальных приема ведения диалога: опровержение через приведение к противоречию и иронию, демонстрируя притворное неведение или уходя от прямых ответов.

Следует подчеркнуть, что ирония Сократа — это оборотная сторона его метода майевтики, это способ оценки обсуждаемого вопроса как бы со стороны. Опора на диалектику, которую античные философы понимали исключительно как искусство правильно задавать вопросы и находить на них правильные ответы, приводит Сократа к пониманию того, что «истинное знание не сообщается внешним образом, — оно формируется внутренним усилием» [Солопова, 2008, с. 675]. Тем самым используемые Сократом, а вслед за ним Платоном указанные методы утверждаются позднее в статусе общеметодологических принципов работы с текстом. Что касается иронии в современном нам смысле, то относительно интерпретации текста или философского исследования можно высказать предположение, что непритворное неведение со стороны исследователя может рассматриваться как позитивный момент творчества, и такое преображение есть не что иное, как постановка проблемы, с чего, собственно, и начинается любое, в том числе философское исследование.

Диалоги Платона только внешне сродни художественной литературе. Но таков был замысел самого философа, составлявшего эти тексты. Однако в некотором отношении, например в понимании вкладываемого в него смысла, литературный или поэтический текст по своей глубине может быть сродни философскому тексту. Так, в диалоге «Федр» Платон прямо указывает на это: «если писатель пишет ради мысли — будь то Гомер, Лисий или Солон, — он заслуживает имени философа, поэтом, и только поэтом, пусть называется тот, кто сочиняет ради сочинительства, искусничает ради искусства и не обладает ничем более ценным, чем то, что написано в его писаниях» [Федр, 278 В–Е]. Как можно заметить, высоко ставя поэта, который пишет ради мысли и тем самым заслуживает имени философа, Платон делает ударение на слове «философия», подразумевая экзотерическую философию, которой владеет поэт и которую этот поэт своим творчеством делает доступной пониманию всех других людей.

Следует пояснить, что понятие «экзотерическая философия» не имеет отношения к некоему тайному знанию, которым якобы владеет поэт или философ, но всего лишь к уровню подготовленности слушателей Академии, а также к организации занятий в Лицее. Как подмечает Т. В. Васильева, именно в Лицее занятия делились на экзотерические, дневные, предназначенные для широкого круга слушателей, и эзотерические, вечерние, для постоянных слушателей. На дневных занятиях преподавали риторику, на вечерних — философию [Васильева, 2008, с. 158]. Требование к разделению слушателей тем не менее не снижает значения систематичности занятий как основного условия

овладения изучаемым предметом. В особенности это касалось философии. Относительно системы обучения, как она была организована в Академии, то следует обратить внимание на тот факт, что оригинальность Платона помимо прочего состояла в том, что «он предложил программу обучения для взрослых, которая включала четыре науки на основе математики, то есть арифметику, геометрию, теорию музыки и астрономию, и все это венчалось диалектикой» [Адо, 2002, с. 48].

Герменевтика как искусство интерпретации текста

Проблема определения философского контекста литературного произведения — сложная задача, предполагающая использование методов интерпретации, разрабатываемых философской герменевтикой, наряду с выяснением когнитивной составляющей процесса понимания, направленного на изучаемый текст. Целью такого анализа является выяснение общего тематического содержания произведения, основных сюжетных линий и определение места и роли каждого персонажа в реализации авторского замысла. Вместе с тем выяснение философского контекста литературного произведения направлено на выявление его истинного, порой скрытого, неявного смысла. Как отмечает известный российский философ и исследователь древнерусской письменности и культуры, А. П. Щеглов, «Философская истина заключается не в “хитросплетениях словес” (пустой софистической диалектике), где каждое “слово” (термин) как понятийное наименование противостоит иному “слову”. <...> Между именами и вещами существует тождество, но оно не всегда отчетливо может определяться человеческим разумом. Всякое имя имеет отношение к объекту именования, не безразлично тому, существует эта вещь в действительности или только в представлении. Другими словами, называя (именуя) вещи, имена непосредственным образом связаны с вещами, а не с представлениями о них. Слова не только знаки наших представлений, но они знаки самих вещей» [Щеглов, 2018, с. 84].

Однако давая имена объектам, называя вещи, ситуации или события, мы связываемся с ними посредством смыслов, образуя из смыслов определенные последовательности, комбинации и структуры, вещественный эквивалент которых мы не всегда в силах создать (или обнаружить) в реальном мире. При этом совокупности смыслов конструктивны, сложные смыслы не всегда понятны и референтны, но их отдельные составные части — атомарные смыслы — требуют от интерпретатора полноты понимания.

Восприятие литературного произведения как художественно ценного и структурно целостного, наделенного глубоким философским смыслом, связано с пониманием смысла отдельных событий, описываемых в произведении, — отдельных элементов единой сюжетной линии произведения, где содержащаяся в нем совокупность смыслов как раз и передает общий замысел

рассматриваемого и интерпретируемого литературного произведения. Таким образом, процесс интерпретации предполагает использование методологии философской интерпретации, подготавливающей исследователя к пониманию истинного смысла произведения или к выяснению (пониманию) его философского контекста.

В деле понимания истинного смысла произведения (религиозно-философского, литературного, поэтического текста) важно начать с определения его исторического контекста с тем, чтобы в дальнейшем перейти на более высокий уровень анализа и тем самым приблизиться к пониманию духовного (и общекультурного) значения рассматриваемого произведения. Такова одна из основных задач философской герменевтики.

«Задача герменевтики состоит в разъяснении смысла изучаемого объекта и разделяется на три возможных формы понимания: (1) историческое (понимание содержания произведения); (2) грамматическое (понимание языка); (3) духовное (понимание целостного взгляда автора через целостное понимание *духа эпохи*)» [Шульга, 2008, с. 240].

Толкование и интерпретация текстов рассматривается герменевтикой как установление смыслового соответствия между явлениями, событиями, художественными описаниями, образами, метафорами и т. д., которые, попадая в круг интерпретации, становятся референтами знаков. Реконструируя эти знаки, воспринимаемые как определенные сообщения, предназначенные читателям и наделенные конкретным смыслом, истолкователь самой этой деятельностью оказывается вовлеченным в процесс смыслообразования. При этом цель такой интеллектуальной работы состоит в обнаружении как глубинных предпосылок, так и предполагаемых скрытых мотивов, которые побудили автора к созданию данного текста. На этом пути как раз и усложняется задача интерпретатора и она направлена на определение исторического контекста, то есть предполагает знание тех исторически важных событий, которые предшествовали созданию изучаемого произведения, либо само появление сочинения было связано с конкретными событиями гражданского, политического или иного значения.

Определение философского контекста литературного произведения начинается с постановки вопроса о побудительных мотивах автора и сопряжено с пониманием тех ментальных процессов, определивших поведение его героев, которые эксплицированы во внутренней структуре рассматриваемого текста. Реализуя эту задачу, истолкователь способен увидеть мир глазами автора, постичь его, соотнося мир собственных представлений с тем, что содержится в тексте. Кроме того, интерпретатор моделирует акт неявной коммуникации по принципу «автор – интерпретатор» и на этой основе реконструирует интенции автора, определяет адресата произведения и выявляет заложенную в тексте логику мышления автора и/или скрытый подтекст.

Постичь интенции автора текста на основе истолкования его сочинения — задача непростая. Цель интерпретации — правильно понять текст, извлекая истинный смысл из содержания этого текста. Облегчить задачу понимания в этом

случае может помочь активно развивающаяся в рамках философской герменевтики методология философской интерпретации, эффективность принципов которой будут продемонстрирована на конкретном примере анализа текста.

Итак, с помощью речи говорящий описывает то, что скрыто в смыслах. До некоторой степени таким же образом комментатор приписывает смысл тому, что содержится в тексте, разъясняя смысл и делая его понятным для аудитории. Описание текста произведения начинается с беглого обзора целого произведения и его контекста, и затем исследователь (истолкователь) переходит к рассмотрению смысла тех отрывков и отдельных фрагментов, которые способствуют проникновению в композицию произведения. Только после этого начинается собственно интерпретация. Она включает в себя два взаимосвязанных процесса, нацеленных на понимание: грамматический и психологический.

Психологической составляющей интерпретации является понимание жизни автора как внутренней составляющей, побуждавшей его к созданию своих произведений. Герменевтика выработала конкретные правила и принципы интерпретации. Так, универсальное правило грамматико-исторического истолкования подразумевает: (1) знание различных значений истолковываемых литературных выражений; (2) определение точного смысла, в котором литературное выражение используется в данном фрагменте текста; (3) историческое описание идеи, определенной подобным образом. Важность исторического описания идеи можно проиллюстрировать нюансами значений слов, которые Пушкин использует в стихотворении, начинающегося со слов: *Я памятник себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастет народная тропа, / Вознесся выше он главою непокорной Александрійского столпа.*

Здесь значение слова «воздвиг» явно не согласуется по смыслу со словом «нерукотворный» (если понимать их буквально); и что это за «народная тропа», коль скоро памятник этот не просто сооружен, но именно «вознесся», да еще и выше «Александрійского столпа»?

Напомню, что речь идет о самом высоком сооружении Петербурга того времени — колонне, воздвигнутой на Сенатской площади у Зимнего дворца. Как можно заметить, в самом фрагменте текста угадывается легкая ирония, касающаяся несоизмеримости условий возвеличивания (с одной стороны, эпоха царя Александра I, отмеченная колонной, а с другой стороны, творчество самого поэта). «Вознестись выше» самого высокого сооружения — это не задача художника или поэта, но зримый образ для его соотечественников (обывателей); это не сравнение: «я», Поэт, и некий только что сооруженный памятник, — но указание на устремленность поэта к тем высотам, которые могут быть выше самого зримо высокого.

Дальнейший текст стихотворения в своем наиболее драматическом фрагменте снимает противоречия отдельных слов и выражений за счет отчетливо выраженной мысли и всего контекста: *Нет, весь я не умру — душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит — И славен буду я, доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит. И дальше: Слух обо мне пройдет*

по всей Руси великой / И назовет меня всяк сущий в ней язык. Этот фрагмент похож и на завещание, и отражает предчувствие славы и бессмертия (написано 21 августа 1836 года!). Но ключевым фрагментом текста, иллюстрирующим авторскую оценку своей эпохи, передают следующие строки: *в мой жестокий век восславил я свободу / И милость к падшим призывал.* Известно, что Пушкин говорит о милости к ссыльным декабристам. Но не только это. «Падшие» — это грешники для тех, кто их осудил, отправил на виселицу и на каторгу, но они же — ангелы, поскольку «милость» (в славянских языках) есть не что иное, как любовь.

Поэт завершает стихотворение добрым советом всем творцам: *Хвалу и клевету приемли равнодушно (не безразлично, но спокойно!) / И не оспаривай глупца.*

Заключение

Рассматривая в качестве образца герменевтического анализа известное стихотворение Пушкина, подведем некоторые итоги.

Во-первых, какое бы значение литературное выражение ни принималось в связи с представленным в тексте предметом, истолкователь должен задаться вопросом: чему, собственно, посвящено это стихотворение Пушкина, каков его контекст? Нами было показано, что для сохранения исторически оправданного и философски значимого контекста этого стихотворения его отдельные слова и фрагменты не должны быть поняты буквально, но должны быть соотнесены именно с тем смыслом, в котором автор их использует. Тот же самый критерий касается выбора любого отдельного нюанса значения, расширяя смысл сказанного Поэтом или ограничивая содержание сказанного ради определенного смысла. Например, расширяя его ради предполагаемой (в будущем) аудитории, к которой Поэт обращается, обозначая собственное место в ряду событий истории.

Во-вторых, цель книги, текста или причина появления в нем того или иного пассажа определяется тем, должно ли некоторое выражение быть понято в его собственном смысле или же в переносном значении, в ограниченной или неограниченной степени. Внимательное отношение к этому моменту процесса интерпретации поможет правильно понять смысл некоторых сложных пассажей и фрагментов текста. Контекст же является третьим в нашем перечне правил условием точного смысла высказывания, в котором каждое отдельное слово используется автором.

Нет необходимости специально рассматривать грамматический контекст — интерпретатор должен быть уверен в грамматической связности рассматриваемого предложения и не нарушать синтаксис или правила интонации. Однако следует учитывать, что контекст порой носит скорее психологический, нежели логический характер. Так, в лирической поэзии, где мысли и настроения иногда

вступают в соприкосновение, логическая связь далеко не ясна. Наконец, существует так называемый видимый контекст. Поэт в порыве вдохновения может воспринимать собранные вместе в одном образном видении события, которые далеко отстают друг от друга во времени и пространстве. Действительный, или вербальный параллелизм помогает определить точный смысл используемых автором слов. В случае повторения одного и того же литературного выражения в разных частях произведения — в случае вербального параллелизма — лучше объяснять язык автора языком самого этого автора. Параллелизм мысли (или действительный параллелизм) оказывается более достоверной помощью в отыскании точного смысла фрагмента, чем простое повторение предложений или фраз [Шульга, 2008, с. 234].

Таким образом, истинный смысл текста не может быть найден в неверно переданной мысли или в исторически неверной идее. Поэтому интерпретатор должен быть знаком с историей создания этого текста, до некоторой степени знать обычаи, законы, биографию автора текста, нравы, национальные предрассудки, историческую обстановку, под влиянием которых автор составлял свои тексты. Без этого невозможно оценить намеки, метафоры, понять ход мысли автора произведения и стиль изложения. Следовательно, взвешивая смысловые значения слов, связки понятий, параллелизм пассажей, интерпретатор должен использовать любую возможность иллюстрации, чтобы вывести истинный смысл текста на основании, казалось бы, противоположной эрудиции внешнего типа.

В отношении анализа философских текстов актуальны два фундаментальных подхода: конкретно-научный и герменевтический. Конкретно-научный подход подразумевает всесторонний анализ множества разнообразных данных относительно понятийного языка философского текста с тем, чтобы составить представление о философской концепции (или об отдельных положениях теории), выдвигаемой автором, наконец, непосредственно о философской проблеме. При этом знание истории вопроса во всех этих случаях столь же важна, как и при анализе литературного произведения, поскольку для философии актуально то, что только предстоит обосновать и исследовать. Герменевтический подход позволяет понять философскую концепцию исходя из понимания смысла каждого выдвигаемого положения и даже каждого понятия (в том случае, если отсутствуют дефиниции). Для развития самой философской герменевтики важно сочетание этих двух подходов в анализе философского текста, поскольку их согласованное сочетание способствует расширению смысловой базы и понятийного аппарата самой философии (ее предметной области). Однако это происходит не за счет необоснованного (произвольного) введения новых понятий, а посредством более глубокого познания мира и человека в нем — познания на уровне понимания сущности вещей. Решение этой задачи опосредует расширение сферы применения интеллектуальной деятельности интерпретации, тем самым расширяется и постоянно совершенствуется философско-теоретическая и методологическая база философской герменевтики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2002. 475 с.
2. Васильева Т. В. Поэтика античной философии. М.: Академический проект; Трикста, 2008. 735 с.
3. Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Ю. М. Лотман. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр Книги Рудомино, 2010. С. 122–146.
4. Михайлов А. В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. 560 с.
5. Платон. Федр // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 523 с.
6. Солопова М. А. Сократ // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 674–678.
7. Шульга Е. Н. Понимание и интерпретация. М.: Наука, 2008. 315 с.
8. Шульга Е. Н. Философский контекст интерпретации литературных текстов // Философия — детям. Диалог культур и культура диалога. М.: МГУ, 2008. С. 231–234.
9. Щеглов А. П. Философская интерпретация метафизических смыслов на примере древнерусских текстов // Философский текст в современной текстовой культуре: мат-лы Всерос. конф. «XIV Таврические философские чтения “Анахарсис”». Симферополь, ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 83–85.

References

1. Ado, I. (2002). *Liberal Arts and Philosophy in Ancient Thought*. Moscow: Yu. A. Shichalin's Greek-Latin Cabinet. 475 p. (In Russian).
2. Lotman, Yu. M. (2010). On the content and structure of the concept “Fiction”. *Yu. M. Lotman. What people learn. Articles and notes* (pp. 122–146). Moscow: Rudomino. (In Russian).
3. Mikhailov, A. V. (2006). *Selected works. Historical Poetics and Hermeneutics*. St. Petersburg: St Petesburg University Press. 560 p. (In Russian).
4. Plato (1993). *Phaedrus. Collected works in 4 volumes. Vol. 2*. Moscow: Thought. (In Russian).
5. Shcheglov, A. P. (2018). Philosophical interpretation of metaphysical meanings on an example of Old Russian texts. *Philosophical Text in Modern Textual Culture. Proceedings of All-Russian Conference XIV-th Tavrida Philosophical Readings «Anaharsis»* (pp. 83–85). Simferopol: Arial. (In Russian).
6. Shulga, E. N. (2008). The Philosophical Context of the Interpretation of Literary Texts. *Philosophy for Children. The Dialogue of Cultures and the Culture of Dialogue* (pp. 231–234). Moscow: Moscow State University Press. (In Russian).
7. Shulga, E. N. (2008). *Understanding and Interpretation*. Moscow: Nauka. 315 p. (In Russian).
8. Solopova, M. A. (2008). Socrates. *Ancient philosophy. Encyclopedic Dictionary* (pp. 674–678). Moscow: Progress-Tradition. (In Russian).
9. Vasilieva, T. V. (2008). *Poetics of Ancient Philosophy*. Moscow: Academic Project; Triksta. 735 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Шульга Елена Николаевна — доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии науки, ведущий научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека Института философии РАН.

Гончарная ул., 12, стр. 1, Москва, Россия, 109240,
elena.shulga501@gmail.com, orcid.org/0000-0002-4570-9377

Shulga Elena Nickolaevna — Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of History and Philosophy of Science, Leading Researcher of the Methodology of Interdisciplinary Human Studies at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Goncharnaya st., 12, p. 1, Moscow, Russia, 109240,
elena.shulga501@gmail.com, orcid.org/0000-0002-4570-9377